

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА С.Ф. ШАРАПОВА

М.Д. Суслов

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул.Букирева, 15

Самым ярким примером российской консервативной утопии является творчество С.Ф. Шарапова, в котором наиболее отчетливо проявились характерные особенности этого идейного феномена. В частности, политическая программа Шарапова предполагала возврат к традициям и ценностям русского средневековья, что объективно играло на руку сторонникам радикальных преобразований самодержавного государства, так как подрывало сложившийся статус-кво.

С.Ф. Шарапов - известный на рубеже XIX - XX вв. писатель-публицист, общественный деятель, экономист и помещик-новатор. Его проекты преобразования России можно считать образцом российской консервативной утопии, соединившей в себе как оригинальность, так и тщательность разработки деталей. Но этот весьма влиятельный во всероссийском масштабе в тот период славянофил недостаточно хорошо, на наш взгляд, знаком историкам¹. Исключением является кандидатская диссертация М.Ю. Конягина «С.Ф. Шарапов: критика правительственного курса и программа преобразований»², который сосредоточивается на описании экономических взглядов Шарапова и на его критике официальных властей. Вместе с тем источниковая база диссертации явно недостаточна, в частности, непонятно отсутствие ссылок на богатейшие материалы личного архива Шарапова в Государственном архиве Смоленской области. Поэтому дальнейшее исследование его взглядов, в том числе в политической сфере, представляется не лишним смыслом.

Сергей Федорович Шарапов родился 1 июня 1855 г. в семье родовитых дворян Федора Федоровича и Лидии Сергеевны. Его предка - знатного казанского татарина - по семейному преданию крестил сам Иван Грозный, а мать происходила из древнего рода Лыкошиных³. В 1868 г. С.Ф. Шарапов поступил во 2-ю Московскую военную гимназию, которую окончил в 1872 г. с отличием, потом - в Николаевское инженерное училище в Петербурге, где получил военную специальность сапера.

В то время молодой Шарапов исповедовал либеральные «освободительные» взгляды, которые попытался практически воплотить во время начавшегося в Боснии восстания против турецкого ига (1875 - 1876). Впоследствии он очень гордился тем, что был вторым русским добровольцем, ушедшим на помощь боснийским повстанцам⁴. В Румынии Шарапова задержали австрийцы, принявшие его за высокопоставленного русского шпиона и целый год держали под надзором «на генеральском содержании». Поскольку русское правительство так и не обеспокоилось судьбой

своего «агента», австрийцы выдворили его из страны с 40 марками в кармане. В Италии он попал в бедственное положение: когда деньги кончились, «инсургент» стал искать работу, посылать статьи в русские газеты, пытался даже освоить профессию типографского наборщика, не зная итальянского языка, но все напрасно - нищета и угроза голодной смерти стали для него повседневностью. И вдруг, когда он уже обдумывал план самоубийства, от русского посла в Константинополе пришло приглашение на дипломатическую службу и спасительно щедрый аванс.

Это приключение позволило Шарапову понять положение европейского городского пролетариата, которое по принципу контраста связалось в его уме с детскими воспоминаниями о вольной жизни в имении своей бабушки, зажиточных крестьянах и добродушных помещиках⁵. После Берлинского конгресса 1878 г. Шарапов остро переживал неудачу России, считая ее причиной враждебного отношения к стране. Это дало еще один толчок к переоценке идеалов его молодости, заставило обратиться к жесткой критике действительности со славянофильских позиций.

В 1878 г. он выходит в отставку и обосновывается в родовом поместье Сосновка. Под его руководством там было организовано образцовое хозяйство с мастерской по изготовлению плугов собственной конструкции. Эти плуги принесли их создателю 16 наград на всероссийских и международных выставках, в том числе 10 первых, и орден Святого Святослава III степени⁶. Курс Витте на «насаждение промышленности» и введение золотой валюты разорили Шарапова.

В конце 70-х гг. Шарапов сближается с И.С. Аксаковым и становится сотрудником славянофильской газеты «Русь». В 1886 г. он основывает свою газету «Русское дело», которую за резкость критики правительства через четыре года закрыли. Издательскую деятельность Шарапов продолжил лишь в 1897 г. и добился популярности, но разгоревшийся скандал в связи с денежными субсидиями правительства⁷ способствовал существенному сокращению тиража его изданий и тяжело ударил

по самолюбию Шарапова, кичившегося независимостью и беспристрастностью своего пера. Мечтая о карьере писателя, он в 1890 г. публикует роман «Кружными путями», весьма прохладно встреченный публикой⁸.

В 80-90-е гг. выкристаллизовываются наиболее значимые теоретические концепции Шарапова: областного самоуправления и абсолютных денег. В 1895 г. выходит в свет его фундаментальный труд «Бумажный рубль. (Его теория и практика)», где обосновывается нетрадиционная модель экономики в земледельческом самодержавном государстве, построенная на бумажных деньгах. В 1898 г. появляется брошюра «Самодержавие и самоуправление», почти весь тираж которой был арестован за резкую критику существующего бюрократического строя и революционно звучащие предложения федерализации империи.

В 1902 г. Шарапов публикует незаконченный утопический роман «Через полвека»⁹, отрывки из которого появились в многотиражной газете Суворина «Новое время»¹⁰. Цель этого произведения исчерпывающе сформулировал сам автор. В предисловии он пишет: «Я хотел бы в фантастической и, следовательно, довольно безответственной форме дать читателю практический свод славянофильских мечтаний и идеалов, изобразить нашу политическую и общественную программу как бы осуществленную»¹¹. Главного героя романа с помощью специальной методики усыпили на 50 лет, а когда он проснулся, то обнаружил себя в процветающей России 1951 г., описанию которой и посвящено это произведение.

Славянофил с восторгом приветствовал рескрипт 18 февраля 1905 г. о создании законосовещательной думы и цензурные смягчения, благодаря чему даже возобновилось на два года издание «Русского дела». Начавшаяся революция не застала публициста врасплох: по его словам, он «чувствовал надвигающуюся бурю»¹². Но и ему пришлось пережить тяжелые дни. В декабре 1905 г. выпуск газеты из-за забастовки был приостановлен, а редакция на Патриарших прудах подверглась нападению: в окна стреляли и бросали камни. В ответ Шарапов публикует в 1907 - 1908 гг. серию «политических фантазий» - «Диктатор», «Иванов 16-й и Соколов 18-й», «У очага хищный», «Кабинет диктатора». В этих книгах он вывел образ идеального правителя, решительность действий которого против бунтующих рабочих сочетается с творческим подходом к реформированию России на началах славянофильской программы.

В 1906 г. смоленский помещик баллотировался в первую Государственную думу, но потерпел поражение, что стало толчком для создания ряда сверхкритических произведений, направленных против парламентаризма вообще, российского в частности. Это такие брошюры, как «Опять сна-

чала», «Самодержавие или конституция» и т.д.

Политические идеи Шарапова не нашли отклика в русском обществе, которое сочло его воззрения слишком экстравагантными. С горечью замечал публицист, что аудитория его изданий исчерпывается «кучкой таких же чудаков», как и он сам¹³. Умер Шарапов в 1911 г. в своем имении от болезни¹⁴. Череда поражений в политике, хозяйстве, публицистике, литературе, личной жизни породила желание «расквитаться» с существующим миром и создать свой - совершенный, справедливый, идеальный, утопичный - мир. В этом четко обнаруживается характерная черта утопии: «трансцендентность по отношению к действительности и... особенно сильное напряжение между идеалом и действительностью - напряжение конфликтного... свойства»¹⁵.

Утопист-мифотворец всегда претендует на звание пророка нового общества и ниспровергателя старых основ. Поэтому Шарапов буквально «специализировался» на критике правительства и существующего строя. Еще в 1886 г. он писал Е.М. Феоктистову: «Наша несчастная современность, которую всеми силами охраняют «консерваторы», - да куда же она годится? Эта современность ведет страну прямо к застою и разложению. В М-ве финансов грабеж... все наименеегоднейшие элементы страны хозяйничают в этих ведомствах, как дома... Граждан, смело говорящих правду, нет. Все изолгались, исподличались, всякая зидительная работа приостановлена и вся государственная машина разваливается»¹⁶. Этот пессимизм лейтмотивом проходит через все творчество Шарапова, и через четверть века в его малотиражном журнале «Свидетель» мы читаем: «Я... скорее верю в гибель России [...в то], что Россия развалится... Я не верю в поворот, ибо не вижу в нашем обществе и правительстве даже проблеска понимания»¹⁷.

Критическая составляющая идеологии Шарапова значительно возросла после революции 1905-1907 гг. и реформы государственного строя. В 1907 г. он записал: «Россия представляет собой оподлевшее и озверевшее царство»¹⁸. Но ненависть к революции не столь велика, как к старому бюрократическому режиму. Шарапов даже готов признать «великую правду» социалистической критики самодержавия¹⁹. Достаточно необычно для консерватора выглядит обвинение существующего режима в том, что он «вызвал, вспоил и вскормил» революционное движение и терроризм²⁰, «своими преступлениями, глупостью и трусостью» бросил молодежь в революцию, а теперь делает из ее представителей преступников и собирается их карать²¹.

Главный враг С.Ф. Шарапова на протяжении всей жизни остается неизменным - бюрократия. «Может ли бюрократия быть исправлена, сделана честной, национальной, энергичной? - риториче-

ски вопрошает консерватор. - Отвечаем категорически «нет»²². Бюрократию отличает взяточничество, искажение закона, бездушность, формализм, перекалывание ответственности на других, безынициативность²³. Даже если бы удалось идеально наладить государственное управление, в России все равно «не хватило бы людей» для государственной работы. «Уж так плохи, так плохи в большинстве наши высокопревосходительства, что просто отчаяние берет... Перевелись государственные таланты, - констатирует Шарапов, - смиремся перед горькой долей видеть во главе правительства группу печальных посредственностей»²⁴. «Идиоты! - восклицал он в своем дневнике по адресу имперских властей, - Финских полицейских переодели в русскую форму. О подлое уравнивание по шаблону... Вот их идеал, а по существу да хоть пропади все. Весь петербургский режим в этом»²⁵. В этом контексте следует отметить не традиционную для консерватора трактовку антропологии. Славянофил признавал относительное совершенство человека, возможность улучшить его природу посредством реформирования социально-политической и экономической сферы. «Не люди ... виноваты и плохи ... а вот этот дух бюрократизма, на котором были построены все отношения»²⁶, - писал С.Ф. Шарапов.

Под огонь шараповской критики попали и западные политические режимы. Правый политический лагерь в поздней имперской России, пожалуй, не знал более непримиримого противника демократии и парламентаризма, чем смоленский помещик. Демократия, по его мнению, есть «национальное обезличение, пошлая нивелировка умного и глупого, культурного и дикого, упразднение всех традиций, гибель всякого гения и таланта и торжество грядущего Хама»²⁷. «Парламентаризм в России ... это ложь и обман», «политический сифилис», «гноусность и предательство»²⁸. Во-первых, «идея центрального парламента в России есть идея нелепая и вздорная, противоречащая историческим нашим инстинктам, и народным верованиям, и бытовым устоям, и, наконец, простому здравому смыслу»²⁹, во-вторых, само «общество» пока не готово к цивилизованным формам конституционализма, оно «насквозь возбуждено и перебунтовано»³⁰, в-третьих, попытка привлечь массы невежественных крестьян просто опасна, причем помимо аргумента о некомпетентности народа в государственных делах Шарапов заостряет внимание на национальной составляющей проблемы: в Думу пройдут евреи и другие враги русской государственности. Наконец, парламентаризм есть «великая ложь нашего времени», «на этом пути начало единения, любви и совести замещено началами партийного раздора, вражды и верховной власти случайного арифметического большинства»³¹. Не удивительно, что манифест 17 октября о создании законодательной Государ-

ственной думы он оценил крайне негативно - как незаконный акт, противоречащий «русской конституции 1613 г.», и нелегитимный с формальной точки зрения, так как для пересмотра этой «конституции» также требовался Земский собор, который 300 лет назад вручил Михаилу Романову самодержавную власть³².

Парламентаризм ассоциируется у Шарапова с буржуазией, «аршином», рвущимся к власти. В буржуазном государстве, пишет славянофил, права и свободы ущемляются не меньше, чем в восточной деспотии, поскольку там устанавливается буржуазно-бюрократический произвол, хуже которого уже точно ничего нет. Делясь впечатлениями от поездки во Францию, публицист замечает: кто жалуется на русскую бюрократию, канцелярщину и формализм, тот не видел бюрократии французской³³, обеспечивающей экономический гнет буржуазии, еврейства и международного капитала над человеком. В России эту социально-политическую силу воплощают октябристы - «наше кулачье», которое «еще гаже» западной буржуазии. «Аршин вырос из-за прилавка и теперь тянется к царской мантии и скипетру», и, по сути, конституция нужна только им, чтобы, прикрываясь легитимными формулами, безраздельно править Россией. «Этим ... война на жизнь и смерть!»³⁴

Вся «честная компания эсеров, эсдеков и всяких иных товарищей» аттестуется как «стадо буйных помешанных и притом круглых невежд»³⁵. Шарапов озабочен социалистической пропагандой в России, где, «словно нарочно, все условия соединились в самой счастливой комбинации, чтобы дать творчество учению ненависти и разрушения». Он пророчит: «В будущем не видно ничего, кроме взрыва стихийной ненависти, которая накапливается все больше и больше. Этот взрыв, если до него доведут, может привести к анархии и даже к иностранной оккупации, а, может быть, и временному разделу России»³⁶.

Чтобы противостоять революционной агитации, Шарапов обращается к традиционному для экстремистского консерватизма методу - насилию. Выдуманный им «диктатор» под впечатлением осенних событий 1905 г. так обращается к рабочей делегации: «Вы, рабочие, - только ничтожная часть русского народа и не вам распоряжаться судьбами России. Ваша сила - кучность, толпа. Но Россия еще вооружена и армия цела. Патронов хватит и вверх стрелять не будут»³⁷. Со своей «ястребиной» позиции Шарапов критикует даже такой репрессивный орган, как военно-полевой суд Столыпина: «...стрелять в бунтующую толпу или вешать на фонарь на месте преступления это и справедливо, и энергично, и психологически благоприятно. Но уже через час, не только через сутки, казнь есть преступление и мерзость. Это отвратительное холодное убийство по суду, только раз-

вращающее и зрителей и исполнителей»³⁸.

Шарапов позиционировал себя как представителя некой третьей силы и не видел большой разницы между правыми и левыми, считая и тех и других «западниками», «с той лишь разницей, что у русского либерализма родители одни немцы, а у консерватизма - другие немцы»³⁹, но в отличие от либералов правые «ни одной живой творческой идеи не выдвинули и только повторяют зады, а своих противников ненавидят насмерть и считают русскими только одних себя»⁴⁰.

Если до 1905 г. Шарапов ругал «твердолобых» консерваторов, не ведавших, куда катится страна, то после революции он обрушивает свою язвительную критику на черносотенцев, величая их «стадом скота, в столыпинских яслях жующим сено»⁴¹ и компрометирующим истинное славянофильство ложными ссылками на преемственность взглядов А.С. Хомякова и Достоевского⁴². О лидере Союза русского народа А.И. Дубровине он отзывался так: «хороший врач и никуда не годный политик. ... Так как никаких данных для настоящего вождя у Дубровина не было, а о политике он попросту не имел никакого понятия, то вокруг него и собрался всякий сброд». Беда Пуришкевича - «неукротимое самолюбие и жажда власти при полном отсутствии всякого нравственного регулятора». Руководитель Союза русских людей князь А.Г. Щербатов -- человек «очень благонамеренный, но совершенно несерьезный»⁴³. Известного публициста националистического направления из «Нового времени» М.О. Меньшикова он даже подозревал в том, что тот австрийский шпион⁴⁴. После этого жалобы Шарапова на чрезвычайно «разряженную» вокруг него атмосферу⁴⁵ кажутся вполне понятными. В совершенно другой тональности Шарапов высказывается о царе: «Бедный, фатально несчастный человек! Как ему везде не везет»⁴⁶. Однако он сам виноват, так как «не осознает себя Царем России»⁴⁷.

Положение пророка в своем отечестве обрекало его на одиночество, которое он постоянно, на грани бравады, подчеркивал. Шарапов говорил, что его учение «в широкие круги читателей не попадет и модным ... никогда не станет», так как он слишком далеко ушел от основной массы, «целую оперу оркестровал», когда другие еще играют двумя пальцами «Чижика»⁴⁸. Позднее пророческий задор у него проходил, и он все острее ощущал свое одиночество, будучи разочарован в жизни. «Надоело мне все, - записал Шарапов за несколько дней до смерти в своем дневнике, - Господи, как я одинок!»⁴⁹. Но даже перед самой смертью в 1911 г. он продолжал с нескрываемой яростью отзываться о современной ему России: «Какая страшная помойная яма наша Российская держава!»⁵⁰

В основе шараповской политической концепции лежит соединение принципа самоуправления с

принципом самодержавной государственности. Последняя определяется достаточно традиционно: это сила нравственная, соответствующая геополитическим особенностям и историческим традициям России, независимая от политической борьбы и руководствующаяся «наследственно культивированной совестью»⁵¹. Это «самая лучшая, самая свободолобивая и самая желанная форма правления», присущая лишь русскому народу (что подчеркивает избранность русских), и попытки воспроизвести этот принцип в других странах безнадежны⁵². Самодержавие отвечает и такому непремемному для правой идеологии требованию, как «стальная твердость» власти⁵³. Наконец, подлинное самодержавие предполагает и экономическое процветание страны, ибо только «национальная и проверенная форма государственной власти способна и материальное устройство народа довести до совершенства»⁵⁴. Монарх в этой концепции «никому отчетом не обязан и ничьему суду неподсуден», но ограничен лишь «внутри себя: положительным учением Церкви ...своею совестью ...историей, наконец, живою народной совестью, суд которой, хотя бы и молчаливый, веет вечно над Царем»⁵⁵.

У Шарапова монарх не теократичен⁵⁶, не свят - «он человек, он может ошибаться»⁵⁷, но он есть воплощение силы нравственной. Сущность самодержавия трактуется Шараповым в духе славянофильской концепции передачи народом власти своему монарху, причем гарантии недопустимости им злоупотреблений находятся в нравственной, а не в юридической плоскости. «Вот на какую страшную нравственную высоту поднималось народное сознание» славян! - восклицает Шарапов⁵⁸, превозносивший польское *liberum veto* не меньше русского самодержавия, поскольку в первом он усматривал политическое воплощение соборного идеала, а во втором - христианского смирения.

Однако эта нравственная сила самодержавца - очень «тонкая» материя, гибнущая при взаимном недоверии народа и государства, при ненависти к правительству, при озлоблении и нигилизме, с одной стороны, и «официальной лжи, лицемерии и холопстве - с другой»⁵⁹. Реформирование России на началах широкого местного и церковного самоуправления призвано решить проблему взаимосвязи власти и общества.

Идеальные взаимоотношения светской и религиозной власти Шарапов формулирует традиционно для славянофила: «богу - богово, кесарю - кесарево»⁶⁰. Необходимым условием «жизненности» Церкви публицист, как и большинство консерваторов славянофильского направления⁶¹, считает восстановление патриаршества. Однако, когда в 1905 г. был поставлен вопрос о церковном соборе, славянофил оказался в двойственном положении, поскольку, с одной стороны, это была

одна из его любимых идей, а с другой - инициатива исходила от его недруга Витте, к тому же в случае успеха предприятия на патриарший престол, вероятнее всего, взойдет бы митрополит Антоний, которого Шарапов недолюбливал за заигрывания с левыми. Кроме того, сама по себе реформа управления церковью не была для неославянофила главной, она должна была лишь «увенчать» реорганизованный на началах выборности православный клир, и состояться это должно не в Петербурге, как предполагалось, а в Москве, где большим влиянием пользовался симпатичный Шарапову митрополит Владимир⁶². В идеале же патриарший престол нужно учредить в Киеве⁶³.

Для решения церковного вопроса Шарапов также настаивает на снятии клятв 1667 г. и «легализации» старообрядчества, к которому публицист, как и многие его консервативные собратья, проявлял двойственное отношение. С одной стороны, будучи новообрядцем, Шарапов отвергал благость их церкви. С другой стороны, он верил, что раскольники хранят столь милую его сердцу старину и в их среде живо древнее благочестие и крепок «исторический русский корень», на производительную силу которого он очень рассчитывал⁶⁴.

Особое внимание смоленский помещик обращал на старообрядческую организацию, в которой видел идеальное воплощение древнего прихода, в котором миряне деятельно поддерживают церковь, а последняя освящает их быт. По его мнению, сближение со староверами необходимо, ибо они, как живое воплощение «старины», «принесут... церковную обстановку, церковную традицию и организацию древней русской церкви». К тому же раскольники помогут возродить приход и «крепкий русский быт»⁶⁵. «Мы принесем в это единство ... внутреннюю святую сущность православия. Они принесут то, что мы потеряли, [а именно] церковную обстановку, церковную традицию и организацию древней Русской Церкви, крепкий русский быт, органическую живую и разумную церковную общину»⁶⁶. Шарапов мечтал попасть в мифические сибирские старообрядческие села, куда еще не проникла власть и буржуазия⁶⁷. Для славянофильствующего публициста старообрядцы были не просто символом прошлого или образцом для подражания, но его воплощенной мечтой⁶⁸, и это сближало тех и других на почве идеализации прошлого и неприятия настоящего⁶⁹.

Что же касается «правильных» отношений народа и государства, то Шарапов считал, что государство, как и в допетровские времена, должно не душить местные инициативы, «но ободрять и развивать их». Исходя из этого, он видит панацею от всех русских бед в участии земских деятелей во власти. В 1902 г. Шарапов предлагал такую схему высших органов власти, в которой два из

четырех главных центральных органов формируются с участием представителей от народа. Государственный Совет - орган законосовещательный, состоящий из представителей местных органов власти и членов по назначению в равной пропорции. Таким же законосовещательным органом, но занимающимся исключительно экономическими вопросами, являлся Народохозяйственный совет. Сенат - административный орган, наблюдающий за исполнением закона. Сенаторы посылаются «на места» в качестве уполномоченных для рассмотрения чрезвычайных дел. Они могут приостанавливать деятельность органов местного самоуправления, смещать выборных лиц, проводить новые выборы и т.д. Наконец, центральный судебный орган - Высший Кассационный Суд⁷⁰.

В этой схеме нет Земского собора, но в идеале - это непрменный компонент шараповской концепции, так как славянофил верил, что именно соборы «сделали из сравнительно слабой Московии величайшее государство мира»⁷¹. До революции 1904 - 1905 гг. он считал, что Земский собор должен быть «венцом упорядоченной России», актом, завершающим реформы. Публицист выражал опасение, что Земский собор воспримут как учредительное собрание, поэтому советует не спешить с его созывом⁷². Взгляды консерватора на возможность учреждения Земских соборов претерпели изменения после манифеста 17 октября. В ноябре 1905 г. Шарапов писал, что Собор позволит царю с честью выйти из неприятного положения, так как манифест должен быть отменен, но сам император сделать этого не может, «не рискуя потерять всякий остаток доверия к [своему] слову»⁷³. Собор же «вознесет моление» об отмене этого акта и сохранит доброе имя самодержца. Пожелание Собора будет для царя необязательным юридически, но «всцело обязательным нравственно, ибо какая же нравственная власть... решится идти против ясно выраженного всенародного мнения?»⁷⁴ Земский собор нужен еще и потому, что «люди изверились и не хотят допустить мысли, что бы Государь без «призванных» вольных людей смог что-либо сделать»⁷⁵.

В 1906 г. Шарапов продолжил разрабатывать проект «пожарного» Земского собора, который должен быть не учреждением, а «событием», способным радостно всколыхнуть погрузившуюся в кровавый хаос страну. Славянофил надеется, что Земский собор единодушно поддержит царя в борьбе с «крамольниками», будучи выразителем мнения монархического большинства крестьянской страны.

После избрания первых двух радикально настроенных Государственных дум шараповского оптимизма относительно Земского собора значительно поубавилось. В 1908 г. консерватор-утопист разработал проект строго сословного Земского собора, состоящего из четырех палат,

которые включали от 200 до 500 человек. В первой были представлены духовенство, Госсовет и Сенат, университеты, во второй - дворянство, в третьей - крестьянство и казачество, в четвертой - горожане. Работа должна вестись по палатам, а пленарное собрание нужно лишь для заслушивания царской речи. Общего мнения Собора выработать не надо, лучше, чтобы каждое сословие представляло свою точку зрения отдельно. Такое учреждение будет иметь законосовещательный характер, поскольку в отличие от западных парламентов в нем голоса не только подсчитываются, но и взвешиваются⁷⁶. После государственного переворота 3 июня 1907 г. Шарапов убедился в способности самодержавия управлять ситуацией. Царь больше не нуждался и в одобрении со стороны Земского собора, который теперь воспринимался не как средство спасения, а как альтернатива парламентаризму. Исчезли иллюзии и относительно крестьянского монархизма и приверженности старине. О крестьянских депутатах в первых Государственных думах Шарапов пренебрежительно отзывается как о «совершенно безграмотных и бестолковых» представителях⁷⁷.

Итак, Шарапов достаточно гибко реагировал на перемены в государственном строе России. Славянофил постепенно модернизирует архаический институт самодержавия в соответствии с современными требованиями и в то же время пытается противопоставить его политической реальности. Результатом подобной «подгонки» - желаемого под действительное - стало создание сословного законосовещательного учреждения, больше похожего на французские Генеральные штаты, чем на московские Земские соборы. Мечтая вернуться к подлинным русским историческим основам и примирить русское средневековье с XX веком, утопист на практике восстанавливает традиции европейского абсолютизма.

Участие народных представителей в государственных делах, мечтал Шарапов, должно нейтрализовать влияние бюрократии, но в таком случае царю придется осуществлять все текущее управление страной самостоятельно, что просто физически невозможно. Однако на помощь самодержцу, согласно Шарапову, приходит местное самоуправление. Царь будет только определять стратегию развития, основные направления деятельности, контролировать выполнение работы и вмешиваться в случае чрезвычайной ситуации, а вся конкретная управленческая работа должна быть возложена на муниципалитеты. Таким образом, ситуация во многом соответствует концепции «спящих полномочий» главы государства в англосаксонской правовой традиции, с той лишь разницей, что самодержавный царь не связан конституционными и парламентскими ограничениями, а потому в полной мере может проявить себя, «заряжая» лучами своего нравственного авторитета

все общество. Появление такого проекта можно рассматривать как попытку консерватора предупредить надвигающийся паралич власти.

Однако и контролировать 40 тысяч приходских и 360 уездных самоуправлений достаточно трудоемко, поэтому надо создать промежуточное звено - крупные административно-территориальные единицы, или области. Эта излюбленная мысль Шарапова обосновывается ссылками на исторический опыт Московской Руси, где он находил зачатки федерализма в земщине и опрочине Ивана Грозного⁷⁸. Естественно, что на областном уровне бюрократия существует, но, во-первых, она выполняет техническую роль, не являясь, как прежде, источником власти; во-вторых, находится не у престола, затмевая собою царя, а «внизу». Если прежде земские элементы были в рабстве у бюрократии, то теперь они - помощники царя, стоящие у престола и сообщающие ему о мнениях и потребностях народа⁷⁹. Находясь вне политической борьбы, обновленное самодержавие сможет спокойно проводить реформы. Кроме того, в области революция невозможна, так как бунтовать незачем, раз нет государственной власти, оторванной от народа. Но и центральная власть может не бояться революционных потрясений, обладая мощным аппаратом подавления⁸⁰.

Во главе области стоит начальник, или Наместник, назначаемый верховной властью, рядом с ним и независимо от него - областной предводитель дворянства, избираемый уездными предводителями области. Предводитель и наместник имеют право личного доклада у государя. «Областной предводитель есть по праву председатель областного земского собрания, которое состоит из гласных, выбранных уездными земствами по одному от уезда, и из всех уездных предводителей дворянства. Это собрание действует совершенно самостоятельно, но в пределах своего регламента. Правит областью Областная дума⁸¹, коей члены заведуют каждый своей частью ... Непременным членом думы состоит областной митрополит. По делам церкви в своей области он докладывает лично Государю в присутствии наместника и областного предводителя ... Его (начальника области. - М.С.) власть чисто исполнительная, хотя при несогласии с земским собранием он имеет право приостановить исполнение любого постановления»⁸².

Областному собранию предоставлено право издавать местные законы, устанавливать все прямые и косвенные налоги, а также акцизы, распоряжаться хозяйственными делами области, избирать представителей в общеимперские совещательные органы, подавать челобитные на имя государя, назначать начальников уездов. Областные финансы строго отделяются от государственных, но сохраняется единство кассы. Возможно также создание областного банка с правом эмиссии.

Государственные налоги тоже взыскивает область⁸³. В ведении области также находятся полиция, просвещение, земледелие, промышленность⁸⁴. За государством останутся верховная власть, законодательство, военное дело, царский суд, финансы, денежная система и публичный кредит, железные дороги, монополии, почта, телеграф. В руках государства находится и контроль. Воображаемый Шараповым диктатор намечал «государственный контроль совершенно выделить из системы управления и тем создать могущественную связь центра с областями. Наверху должен был быть образован Контролирующий Сенат из представителей земских областей, параллельный Сенату административному, внизу сеть контроля расширялась до уезда, охватывая собою всю денежную отчетность всякого рода касс до приходских включительно»⁸⁵.

Шарапов предлагал осуществить такое деление на области, которое бы максимально соответствовало современным делениям на округа (военные, учебные, судебные). А именно Северная область во главе с Санкт-Петербургом охватывает следующие бывшие губернии: Петербургскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую, отчасти Вологодскую и Архангельскую. Восточная часть последних двух губерний, Вятская, Пермская и Казанская губернии образуют другую область со столицей в Казани. Смоленская, Тверская, Ярославская, Костромская, Калужская, Московская и Нижегородская составляют центральную область во главе с Москвой. Киев является центром области, образованной Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской губерниями, а также Холмщиной, выделенной из состава Польши. Среднечерноземная область включает Орловскую, Тульскую, Курскую, Харьковскую, Воронежскую, Тамбовскую, Пензенскую и Симбирскую, частично Рязанскую губернии и частично территорию Войска Донского (ее столица - Воронеж). Заволжские губернии входят в область с центром в Оренбурге, Новороссийские - в область с центром в Одессе. Северный Кавказ представляет собой область с центром в Ростове-на-Дону, Закавказье - с центром в Тифлисе, Сибирь делится на четыре области с центрами в Омске, Томске, Иркутске и Владивостоке⁸⁶.

Таким образом, Шарапов фактически предлагал проект федерализации России: его области обладают значительными правами в законодательной сфере. Идеи децентрализации, бывшие жупелом для правых,нисколько не пугали Шарапова, ссылающегося на опыт Великобритании, предоставившей почти полную независимость своим доминионам. «Но на что ей эта централизация, если есть другая, несравненно более прочная и могущественная - централизация экономическая?.. Дайте экономическую централизацию и забудьте о политической»⁸⁷. В унисон с суждениями Шара-

пова звучат слова реформиста из лагеря тори лорда Х. Сесилия о том, что экономические меры (политика торговых преференций) лучше обеспечат единство империи, чем политические⁸⁸. Это показывает, что при создании политической программы Шарапов учитывал некоторые весьма гибкие методы консервативного реформирования, свойственные больше западной политической традиции, чем русскому охранительству. Другой излюбленный пример Шарапова - США, которые, устав от выборной лихорадки и рабства у еврейской биржи, вполне могут поставить во главе федерации самодержавного монарха. И тогда они больше всего будут походить на славянофильский идеал самоуправляющихся областей с верховной царской властью⁸⁹.

Следующий уровень местного самоуправления - уездное земство, составленное из гласных от приходов, которые должны иметь единственный ценз - не менее трехлетнего стажа работы на какой-нибудь выборной земской должности⁹⁰. Шарапов считает, что только огромное содержание может «сманить» настоящего хозяина, который уезду и нужен, от своего дела (можно пригласить и постороннего профессионального управляющего), и этот расход быстро окупится, ибо эти люди, «полные инициативы и творчества, чудеса наделяют. В 2-3 года вы не узнаете уезда!»⁹¹ Другое дело - уездные гласные, которые работают бесплатно и избираются преимущественно от «землевладельцев-хозяев, крестьян-хозяев, священников-хозяев», промышленников и торговцев⁹². Поскольку уездное самоуправление уже существует, то в чрезвычайной ситуации именно на него можно опереться, чтобы перестроить всю Россию.

В начале революции 1905-1907 гг. славянофил надеялся, что теперь, когда власть и закон как будто исчезли, народ сам должен взяться за перестройку России в соответствии со своими идеалами самоуправления. Предполагалось выработать краткий регламент организации Временных Уездных Комитетов Порядка в составе предводителя дворянства, председателя и членов управы, соборного протоиерея, городского головы, исправника и воинского начальника. Этот комитет, выбирающий своего председателя, получает в качестве единственной законной власти в уезде от имени императора всю полноту административной, судебной и военной власти в уезде с обязанностью отчетываться в своих действиях лишь перед губернатором, который являлся бы контролером и помощником Уездного Комитета. Комитет может кооптировать в свой состав выдающихся людей уезда. Также созываются уездные Народные Собрания из представителей приходов не моложе 40 лет, городских гласных и лиц землевладельческого и торгово-промышленного ценза, которые контролируют комитет, принимают его бюджет и обновляют отчасти или полностью весь состав комитета,

если это потребуется. Комитеты могут образовывать военно-полевые суды, вызывать в строй запасных, принимать иные меры для защиты порядка⁹³.

Низовым звеном системы общественного самоуправления по проекту Шарапова должен быть приход, понимаемый как самоуправляемая организация местных обществ, объединенных в церковную общину и самостоятельно управляющих административными, финансовыми, судебными, школьными и иными делами⁹⁴. Шарапов полагал, что вся структура местного самоуправления (земщина) возникла из вечевого уклада Древней Руси⁹⁵, главное достоинство которого он видел в органичном синтезе мирского и церковного, когда мирское воцерковляется и церковь охватывает все сферы жизни. Это и есть воплощение славянофильского идеала соборной жизни, объединяющей практическую жизнь людей верой в бога и любовью к ближнему. «Именно в старом нашем приходе русский человек ... и жил о Христе, и молился о Христе, и судился о Христе, и землю пахал и даже торговал и все свои земные дела делал о Христе. Неужели Церковь и “дело Божие” страдало от того, что священник среди своей паствы был не только пастырем душ, но и первым земским человеком, и политическим вождем, самым авторитетным и самым деятельным?»⁹⁶

По проекту Шарапова в приход входят все постоянные жители без различия конфессиональной и сословной принадлежности. Приходское собрание состоит из землевладельцев и уполномоченных от селений, оно выбирает постоянный приходской совет и приходского голову - высшее должностное лицо. Каких-либо регламентаций для процедуры выборов Шарапов не дает, считая, что приход сам решит, как и кого выбирать. «Излюбленным человеком выдвинут здесь крупного помещика, там скромного крестьянина, в третьем месте простого лавочного сидельца»⁹⁷. Главное в приходских выборах - соблюсти два принципа: «избрание тесно сплоченной, соседски друг друга знающей группой и избрание в Церкви, с молитвой и благословением»⁹⁸. Должностные лица прихода могут вмешиваться в его дела только при злоупотреблениях или по жалобам на приходское управление⁹⁹.

Во время революции Шарапов выдвинул еще одну актуальную тогда идею, касающуюся организации прихода: приходские дружины порядка, долженствующие, по его мысли, стать боевым отрядом организованного народа против бунтовщиков, аналогичные черной сотне¹⁰⁰. В марте 1906 г. он создает или, по крайней мере, инспирирует создание в селе Заборье Вяземского уезда Смоленской губернии «черносотенной организации под видом церковноприходского совета». Программа совета предполагала устройство чтений и бесе-

дований, установление надзора за школьным преподаванием, организацию «дружин порядка»¹⁰¹. Этот факт свидетельствует о крушении мечты от столкновения с действительностью. Приход, долженствующий быть воплощением соборного единения и братской любви, на практике становится организатором погромов и черносотенного террора.

Такая система самоуправления обнаруживает фатальные противоречия. Прежде всего, чтобы быть последовательным, Шарапов должен был бы земское самоуправление сочетать с общественным контролем, но в его проекте контроль остается за государством, более того, подчеркивается его всеобъемлющий характер. Иными словами, власть фактически остается в руках все той же бюрократии. Далее, хотя Шарапов и ставит своей главной задачей защиту самодержавия, последовательная организация самоуправления по рецептам славянофила подрывает основы самодержавия¹⁰², оставляя фигуру царя как элемент государственного декора и резерв политической власти в чрезвычайных ситуациях. Шарапов пишет, что в своей системе управления «учитывает заранее и гениального Петра и душевнобольного Павла»¹⁰³. Такое рассуждение противоречит славянофильской же критике бюрократии, которая подменяет нравственную личность монарха бездушным механизмом, а поскольку и в концепции Шарапова нет места личности монарха, она заменится тоже механизмом - механизмом самоуправления. Приведенное же признание Шарапова означает, что самодержцу он уготовил роль британского монарха, который царствует, но не правит.

Таким образом, предложения Шарапова по реорганизации системы управления в государстве в малых «дозах» недостаточно последовательны, чтобы ликвидировать засилие бюрократии, а в больших - утрачивают свой смысл, делая ненужным сам принцип самодержавия. Это же касается самой смелой идеи Шарапова - областного деления России: если оставить исполнительную власть в области в руках назначаемого наместника, то такая система будет мало чем отличаться от привычного генерал-губернаторства, если же усилить власть областных представительных учреждений, то получится федерация республик, в которой верховная самодержавная власть будет выглядеть как минимум нелогично. Тем не менее эта программа является образцом адаптации традиционных политических институтов и славянофильских догм к некоторым либеральным ценностям с целью разработки альтернативного варианта обновления России на путях конституционализма.

Утопический идеал в учении Шарапова сочетается с утопическими же средствами его реализации. Еще в 1881 г. он провозглашал популярную в почвеннических кругах идею «народного царя», который должен порвать всякие отношения с

«обществом» и опереться на народ, чтобы «перевернуть кверху дном все существующие порядки»¹⁰⁴. До революции Шарапов рассчитывает на реформаторские способности самого царя¹⁰⁵. В 1905 г. он еще надеялся, что коренные преобразования в России можно осуществить и без диктатуры, но непригодность царя стала очевидной: для реформы все же потребуется, во-первых, некий выдающийся государственный муж, которого следует назначить министром внутренних дел и которому необходимо предоставить *carte blanche* в деле реформирования страны по славянофильским рецептам, а во-вторых, особый орган контроля, а именно Верховная комиссия, составленная из членов Госсовета и Сената и нескольких приглашенных губернских предводителей дворянства, городских глав и председателей земских управ. Комиссии министр внутренних дел должен докладывать о ходе реформ¹⁰⁶.

В то время наиболее реальным кандидатом на пост этого министра Шарапов считал С.Ю. Витте. Надо отдать должное беспристрастности публициста, высоко оценивающего государственный талант Витте, несмотря на давнюю с ним вражду¹⁰⁷. Акт 17 октября не оставил от шараповского добродушия к Витте и следа. В 1906 г. смоленский помещик, как, впрочем, и другие консерваторы, возлагал надежды и на только что назначенного премьер-министром П.А. Столыпина. В открытом письме ему неославянофил называет его человеком провиденциальным, «коему судьба вверила задачу успокоения и возрождения нашей Родины»¹⁰⁸. В своих мечтах Шарапов наделяет Столыпина уже совсем другими функциями: в первую очередь надо железной рукой диктатора подавить революцию¹⁰⁹.

Естественно, что вскоре все иллюзии консерватора относительно Столыпина рассеялись, поскольку его реформаторский курс был далек от славянофильских рецептов¹¹⁰. Тогда Шарапов в 1907 г. создает утопическую концепцию идеального диктатора. В «политической фантазии» «Диктатор» Шарапов рисует образ простого дворянина - Ивана 16-го, такого же одинокого и никем не понятого, как и его создатель, но в отличие от последнего облеченного доверием верховной власти¹¹¹. Он так же разрывается между правыми, мыслящими по схеме «запретить и не пущать», и левыми, предлагающими упразднить самодержавие, удрученный тем, что никто не понимает славянофильских идей¹¹². Отсюда и острая проблема с исполнителями его воли. Чтобы разрешить эту проблему, диктатор проводит совещания с известными историческими персонажами, такими как Д.А. Хомяков, Г.А. Шечков, А.А. Киреев, Н.П. Аксаков, Ф.Д. Самарин. Однако соратников он находит не в российском политическом и идеологическом истеблишменте, а в глубинке. Таковыми становятся министр финансов Соколов 18-й, ми-

нистр внутренних дел, бывший губернатор Крутогорска Тумаров, министр просвещения профессор Порубин и т.д.

Но утопия Шарапова не была эскапистской, он и на практике стремился воплотить свой идеал¹¹³. Славянофил неоднократно пытался принять участие в реформировании России, сперва как государственный служащий министерства финансов, затем как независимый эксперт и идеолог¹¹⁴. В конце XIX в. он намеревался организовать литературно-политический союз «Русское дело»¹¹⁵. В 1902 г. в надежде обрести массовую аудиторию Шарапов начал сотрудничать в многотиражном издании Суворина «Новое время», но из-за идеологических разногласий с руководством ушел из него. В 1905 г. он участвовал в составлении программы Союза землевладельцев, в который входили Н.А. Павлов, К.Н. Пасхалов, П.Ф. Булацель, Л.Л. Кисловский, В.Н. Ознобишин и др. Аграрный раздел программы был основан на его концепции единства помещичьего и крестьянского хозяйства¹¹⁶. В конце того же года славянофил работал над программой «Русской народной партии», в которую он хотел преобразовать Союз русских людей, однако его предложения не встретили поддержки членов этой организации, презрительно относившихся к партийности вообще¹¹⁷. Позднее Шарапов стал учредителем Аксаковского литературно-политического общества, названного в честь И.С. Аксакова. Это общество, образованное в сентябре 1907 г., воплотило заветную мысль Шарапова: «создать Schprechsaal, вырвать идею из кружка на общий суд на свет»¹¹⁸. Целью Аксаковского общества являлась организация свободной дискуссии «на почве нелицемерной любви к Родине, братства людей во Христе, сознания принадлежности к великой славянской семье, уважения к мнению и снисхождения к заблуждению противника»¹¹⁹. Это общество не должно было вести политическую борьбу, оно задумывалось как некий дискуссионный клуб, ставящий своей целью выяснение истины¹²⁰.

Любая утопия демиургична, созидательна¹²¹. Перефразируя Гегеля, можно сказать, что утопия не настолько слаба, чтобы породить только утопию. Так, идеи, которые воодушевляли С.Ф. Шарапова, легли в основу манифеста 26 февраля 1903 г. и рескрипта 1905 г. С его взглядами коррелировали проекты созыва Земского собора для окончания войны с Японией¹²² и планы правительства по децентрализации власти¹²³.

Консервативная утопия С.Ф. Шарапова отличалась от аналогичных программ гибкостью подхода, детальностью разработки, частичной рецепцией либеральных ценностей. Но и при этом она оставалась весьма архаичной. Адаптация к новым условиям осуществлялась не столько на уровне ценностей и целей, сколько на уровне средств, что и придавало этой утопии флер либерализма. В

конечном счете, проекты реформы государственного устройства, местного самоуправления и высших органов власти были призваны обосновать, легитимизировать абсолютную монархию и роль церкви в обществе. Такое сочетание архаичных ценностей и современных инструментов властвования объективно подрывало существующий порядок, но потенциально могло бы стать основой популярной программы в стране со значительными анклавами традиционного общества, если бы С.Ф. Шарапов и люди его образа мыслей проявили больше интереса к публичной политике.

Примечания

¹ Из известных нам публикаций о Шарапове можно отметить следующие: Лукьянов М.Н. Консерватор и реформа: С.Ф. Шарапов о столыпинской России // Исследования по консерватизму. Вып. 5: Политика и культура в контексте истории. Пермь, 1998; Бугров Д.В. Социально-политические идеалы русского консерватизма конца XIX - начала XX века в творческом наследии С.Ф. Шарапова. (Источниковедческий аспект) // Документ. Архив. Современность: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2001. Вып. 1; Лоциц Ю. "Вот такого бы диктатора..." // День литературы. 1998. №12; Лоциц Ю. "Диктатор" возвращается // Москва. 1998. №12; Чумовой С. После власти. О книге С.Ф. Шарапова "Диктатор" // Русский вестник. 1999. №20-21; Бачанин А.Н. "Евангелие от Сергия": Земско-самодержавный проект устройства России // Россия в новое время. Выбор пути исторического развития. М., 1998; Репников А.В. Забытый Сергей Шарапов // Край родной. 2001. № 28; Репников А.В. Последний романтик славянофильства. Земская утопия Сергея Шарапова в "мертвом поле" идеологической борьбы // Муниципальная власть (Рос. журн. местного самоуправления). 2001. № 4; Репников А.В. Программа экономических преобразований С.Ф. Шарапова // Вторые межрегиональные научные чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы: Тез. докл. и сообщ. 24-25 мая 2001 г. Новочеркасск, 2001.

² Конягин М.Ю. С.Ф. Шарапов: критика правительственного курса и программа преобразований. Конец XIX - начало XX века: Дис. ...канд. ист. наук. М., 1995.

³ ГАСО. Ф. 121, д. 412, л. 4.

⁴ Его воинственность напоминает боевой характер А.С. Хомякова, который в юности тоже сбежал из дома на войну освободить Грецию (но дошел только до заставы), а затем участвовал в боевых действиях против Турции.

⁵ Шарапов С.Ф. Открытое письмо к графу Л.Н. Толстому // Сочинения. СПб., 1899. Кн. 3. С. 128-129.

⁶ ГАСО. Ф. 121, д. 796.

⁷ Эта история связана с полученными от Витте субсидиями на развитие коммерческого предприятия Шарапова "Пахарь", которое, впрочем, все равно прогорело.

⁸ РГАЛИ. Ф. 191, оп.2, д. 432, л.4.

⁹ Литературная утопия вообще является показателем высокого уровня развития идеологии, поскольку она, будучи образно-теоретическим способом познания реальности, сама по себе способна, показав идеал в наглядной форме, мобилизовать массы на переустройство мира, что особенно важно для России, где весь XIX в. культура была литературоцентрична. "Как и прочие виды дидактической литературы, — отмечает Г.С. Морсон, — утопия стремится обратить опыт чтения в опыт обращения" (см.: Пчелинцева Т.А. Сущность и гносеологические возможности социальной утопии: Дис. ... канд. филос. наук. Томск, 1983. С. 25; Морсон Г.С. Границы жанра: "Дневник писателя" Достоевского и традиции литературной утопии (Роднянская И.Б.) // Социокультурные утопии XX в. М., 1985. Вып. 3. С. 69.)

¹⁰ Шарапов был хорошо осведомлен об утопической литературе своего времени. Ссылки на Беллами, Морриса и Бульвер-Литтона Шарапов делает в следующих местах соответственно: Шарапов С.Ф. В 2000 году // Благовест. 1890. Вып. 9 (15 дек.); Он же. Вымирающее народное пасхальное искусство // Пахарь. 1906. №6. С. 57-59; Он же. За что любят нас французы // Московский сб. Произведения М.Д. Скобелева, И.С. Аксакова, В.С. Соловьева и др. М., 1887. С. XXV.

¹¹ Шарапов С.Ф. Через полвека. М., 1902. С.3.

¹² Русское дело. 1907. №1. С. 8.

¹³ Шарапов С.Ф. Мой дневник. DLXXI // Свидетель. 1910. №35. С. 92

¹⁴ ГАСО. Ф. 121, оп. 1, д. 412, 796.

¹⁵ Славянофильство и западничество, консервативная и либеральная утопия в работах Андрея Валицкого М., 1991. Вып. 1. С. 13.

¹⁶ Цит. по: Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 72.

¹⁷ Свидетель. 1910. №36. С. 102.

¹⁸ Шарапов С.Ф. У очага хищений (Политическая фантазия. Продолжение "Диктатора". Особое прибавление к №10 "Русского дела" за 1907 г.). М., 1907. С. 4.

¹⁹ Шарапов С.Ф. Иванов 16-й и Соколов 18-й. Особое прибавление к № 10 "Русского Дела". М., 1907. С. 2.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 572, оп. 2, д. 27, л. 9.

²¹ Шарапов С.Ф. Диктатор (Политическая фантазия). М., 1907. С. 13.

²² Русское дело. 1905. №45. С. 2.

²³ Шарапов С.Ф. Сочинения. Вып. 27 (Т. 9): Ураган. С. 80-81; Русское дело. Особое прибавление к №1. С. 2.

²⁴ Шарапов С.Ф. Опять сначала... (Размышления перед третьей думой). М., 1907. С. 8, 19.

- ²⁵ Дневник С.Ф. Шарапова // ГАСО. Ф. 121, оп. 1, д. 7, л. 95.
- ²⁶ *Шарапов С.Ф.* Сочинения. М., 1902. Вып. 16. С. 82.
- ²⁷ *Шарапов С.Ф.* Диктатор. С. 15.
- ²⁸ Там же. С. 6; *Шарапов С.Ф.* Самодержавие или конституция? (Первые шаги 3-й “Думы солидной бестолочи”). М., 1908. С. 7.
- ²⁹ *Шарапов С.Ф.* Опять сначала... С. 2.
- ³⁰ *Шарапов С.Ф.* Диктатор. С. 23; Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906 - 1916: В 3 т. Т. 1: 1906 - 1908. М., 2001. С. 173.
- ³¹ Объединенное дворянство. С. 185 - 186.
- ³² Русское дело. 1907. №1. С. 4.
- ³³ Русское дело. 1905. №42-43. С. 5.
- ³⁴ *Шарапов С.Ф.* Кабинет диктатора. С. 37.
- ³⁵ Там же. С. 36.
- ³⁶ *Шарапов С.Ф.* Социализм как религия ненависти. М., 1907. С. 11-12.
- ³⁷ *Шарапов С.Ф.* Диктатор. С. 18.
- ³⁸ *Шарапов С.Ф.* У очага хищений. С. 8.
- ³⁹ Русское дело. 1907. №1. С. 11.
- ⁴⁰ *Шарапов С.Ф.* Кабинет диктатора. С. 38.
- ⁴¹ Там же. С. 8.
- ⁴² *Шарапов С.Ф.* Возврат к славянофильству // Свидетель. 1910. №39-40. С. 54.
- ⁴³ *Шарапов С.Ф.* Кабинет диктатора. С. 4-76.
- ⁴⁴ *Лакер У.* Черная сотня. Истоки русского фашизма. Вашингтон, 1997. С. 51.
- ⁴⁵ Русское дело. 1907. №8. С. 2.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. 121, д. 7, л. 94.
- ⁴⁷ Русское дело. 1905. №38-39. С. 4.
- ⁴⁸ Свидетель. 1907. №1. Б. паг.
- ⁴⁹ ГАСО. Ф. 121, оп. 1, д.7, л. 319.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Русское дело. №38-39. С. 6.
- ⁵² *Шарапов С.Ф.* Через полвека. С. 63.
- ⁵³ Свидетель. 1907. №2. С. 72.
- ⁵⁴ ГАСО. Ф. 121, д. 504, л. 10.
- ⁵⁵ *Шарапов С.Ф.* Опыт русской политической программы. М., 1905. С. 4.
- ⁵⁶ См.: *Свентоховский А.* История утопий. М., 1910. С. 97-98.
- ⁵⁷ Свидетель. 1908. №8. С. 66.
- ⁵⁸ Свидетель. 1909. №16-17. С. 15.
- ⁵⁹ *Шарапов С.Ф.* Сочинения. Вып. 27. С. 71-73.
- ⁶⁰ *Шарапов С.Ф.* Через полвека. С. 32-33.
- ⁶¹ См., например: *Васильев А.* Задачи и стремления славянофильства // Благовест. 1890. Вып. 1. С. 41.
- ⁶² *Зырянов П.Н.* Православная церковь в борьбе с революцией, 1905 - 1907. М., 1984. С. 69.
- ⁶³ *Шарапов С.Ф.* Через полвека. С. 76.
- ⁶⁴ *Шарапов С.Ф.* Сочинения. Вып. 7. М., 1901. С. 10.
- ⁶⁵ Русское дело. 1905. №17. С. 2 - 14.
- ⁶⁶ *Шарапов С.Ф.* Сочинения. Вып. 7. С. 13-14.
- ⁶⁷ Свидетель. 1909. №25-26. С. 59-60.
- ⁶⁸ Не исключено, кроме того, что доброжелательное отношение к старообрядцам обусловлено и личными контактами Шарапова с ними, в частности с Морозовыми. У управляющего Морозовской мануфактурой Шарапов брал деньги на издание своей газеты (см.: *Розанов В.В.* Собр. соч. Сахарна: Обонятельное и осзательное отношение евреев к крови. М., 1998. С. 178.)
- ⁶⁹ *Парилов О.В.* Типологические особенности старообрядчества и славянофильства и их значение в развитии русского национального самосознания: Автореф. дис... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2000. С. 15.
- ⁷⁰ *Шарапов С.Ф.* Через полвека. С. 64-65.
- ⁷¹ *Шарапов С.Ф.* Спасительная веревка мистера Нокса // Свидетель. 1910. №31-32. С. 66.
- ⁷² *Шарапов С.Ф.* Мой дневник. CLXXVIII // Соч. М., 1904. Вып. 5. С. 87-88.
- ⁷³ Русское дело. 1905. №42-43. С. 6-7; 1906. №3. С. 5-6.
- ⁷⁴ Русское дело. 1906. №3. С. 6.
- ⁷⁵ ОР РГБ. Ф. 265, к. 208, д. 5, л. 3.
- ⁷⁶ *Шарапов С.Ф.* Кабинет диктатора. С. 44.
- ⁷⁷ *Шарапов С.Ф.* Иванов 16-й и Соколов 18-й. С. 1.
- ⁷⁸ Русское дело. 1907. №5. С. 3.
- ⁷⁹ *Шарапов С.Ф.* Соч. Вып. 5. С. 86.
- ⁸⁰ *Шарапов С.Ф.* Соч. Вып. 27. С. 98
- ⁸¹ По другой версии — Областная управа.
- ⁸² *Шарапов С.Ф.* Через полвека. С. 63.
- ⁸³ *Шарапов С.Ф.* Опыт русской политической программы. С. 14.
- ⁸⁴ *Шарапов С.Ф.* У очага хищений. С. 12.
- ⁸⁵ *Шарапов С.Ф.* Кабинет диктатора. С. 50.
- ⁸⁶ *Шарапов С.Ф.* Через полвека. С. 63.
- ⁸⁷ *Шарапов С.Ф.* Самодержавие или конституция? С. 62-63.
- ⁸⁸ *Cecil H.* Conservatism. London, 1912. P. 216.
- ⁸⁹ *Шарапов С.Ф.* Опыт русской политической программы. С. 4.
- ⁹⁰ Свидетель. 1908. №8. С. 44.
- ⁹¹ Свидетель. 1909. №25-26. С. 103-108.
- ⁹² Там же. С. 101.
- ⁹³ *Шарапов С.Ф.* Комитеты порядка // Пахарь. 1906. №8. С. 5 - 12.
- ⁹⁴ *Шарапов С.Ф.* Иванов 16-й и Соколов 18-й. С. 5.
- ⁹⁵ *Шарапов С.Ф.* Преобразования в земстве // Благовест. 1890. Вып. 5. 15 окт. С. 144.
- ⁹⁶ Свидетель. 1908. № 10-11. С. 99.
- ⁹⁷ *Шарапов С.Ф.* Сочинения. Вып. 27. С. 87.
- ⁹⁸ Там же. С. 86. Любопытен консонанс с описанием Платоном идеального государства, где выборы должностных лиц происходят в святилище (*Платон.* Законы. М., 1999. С. 203).
- ⁹⁹ Свидетель. 1909. №25-26. С. 62.
- ¹⁰⁰ Русское дело. 1905. №44. С. 4.
- ¹⁰¹ *Зырянов П.Н.* Православная церковь в

борьбе с революцией, 1905 - 1907 гг. М., 1984. С. 134.

¹⁰² Это обстоятельство заметил его оппонент В.П. Мещерский (см.: *Ведерников В.И.* Проблема представительства в русской публицистике рубежа XX столетия: Дис. ... канд. ист. наук, л., 1983. С. 183.)

¹⁰³ ГАСО. Ф. 121, оп. 1, д. 517, л. 1.

¹⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 572, оп. 2, д. 27, л. 9.

¹⁰⁵ *Шарапов С.Ф.* Соч. Вып. 27. С. 99.

¹⁰⁶ *Шарапов С.Ф.* Опыт русской политической программы. С. 30.

¹⁰⁷ *Шарапов С.Ф.* Соч. Вып. №5. С. 67-68.

¹⁰⁸ Русское дело. 1906. №35. С. 1.

¹⁰⁹ *Шарапов С.Ф.* Опять сначала... С. 6.

¹¹⁰ См.: *Лукьянов М.Н.* Российский консерватизм и реформа, 1907 - 1914. Пермь, 2001. С. 39-40.

¹¹¹ *Шарапов С.Ф.* Диктатор. С. 5.

¹¹² *Шарапов С.Ф.* Иванов 16-й и Соколов 18-й. С. 2.

¹¹³ Шарапов даже с долей горечи констатировал "глубокий утилитаризм" своего ума (*Шарапов С.Ф.* Сочинения. Т. 1. С. XIV - XV), что, впрочем,

при всей парадоксальности характерно для утопического сознания, которое ориентировано на воплощение своих проектов в жизнь, а эти проекты представляются в виде конкретных образов будущего со всеми его деталями.

¹¹⁴ В частности, его признавали лучшим трибуном СРЛ по аграрному вопросу (об этом см.: *Rawson D.-C.* Russian rightists and the revolution of 1905. Cambridge, 1995. P.41).

¹¹⁵ ГАСО. Ф. 121, д. 22, л. 73.

¹¹⁶ Русское дело. 1905. №40. С. 19.

¹¹⁷ *Rawson D.-C.* Op. cit. P.41.

¹¹⁸ ГАСО. Ф. 121, д. 504, л. 4.

¹¹⁹ ОР РГБ. Ф. 265, к. 208, д. 5, л. 15.

¹²⁰ Свидетель. 1908. №7. С. 80.

¹²¹ *Мараваль Х.А.* Утопия и реформизм // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 219.

¹²² *Ведерников В.И.* Указ. соч. С. 192.

¹²³ Идеи децентрализации поддерживали некоторые представители российской бюрократии (например, Н.Х. Бунге, И.Л. Горемыкин) как средство укрепления самодержавной власти (см.: Кризис самодержавия в России. С. 94, 106).

S.F.SHARAPOV'S POLITICAL CONCEPTION

M.D.Suslov

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva st., 15

The most prominent sample of Russian conservative utopia is the works of S.F. Sharapov whose ideas reflected the meaning and peculiarities of this phenomenon. For instance Sharapov's political program implied the restoration of the traditions and the values of Russian medieval society coinciding with the demands of those who attempted to break the status quo of the last imperial Russia.